Михайло Игнатьевич (Данилович)

Как во славном было во городе во Киеве,
Как у ласкова князя у Владимира,
А заводился почестен пир
На всех князей-то его, на бояр же,
На русских-то могучих богатырей,
Ай на тех же купцей, гостей торговыя,
Да на тех же калик да перехожия.
А как светел день идёт на есени,
А почестен пир идет навѐселе.
А как красно солнышко идёт ко западу,
А ко западу идёт, ко за́кату,
А почестен пир да под конец идёт.
А как все тут сидят, пьют, едят и хвастают,
А только один сидит, не пьет, не ест, не кушает.
Говорил тут князь Владимир таковы слова:
«А что ж ты у мня, Игнатьюшка,
Не пьешь, сидишь, не кушаешь?
А разве тебе место не по разуму,
Или винной чарой тебя о́бнесли?
Или кто над тобой посмехаится?»
Говорил Игнатий сын Данилович:
«Уж ты гой еси, красно солнышко Владимир князь!
Э как мне-то место всё по разуму,
А пития и едьё мне всё по́ души,
Э да как винной чарой меня не обнесли,
Да как ведь никто надо мной не посмехаится.
Ведь жил я у тя во Киеве да шестьдесят годов,
Как сносил я у тебя во Киеве да шестьдесят боёв,
Как срывочных-порывочных числа-смету нет.
Было у меня во Киеве с молодости погрѐжоно,
А погрежоно у меня да покурѐжоно;
А под старость мне-ка хочется кабы душа спасти,
А душа спасти, мне-ка в рай сползти,
Ай да постричься в ризу чёрную
Да нало́жить на себя скиму спасѐную,

А постригтися мне к Федосию, Антонию в Пешшор-монастырь.»
Говорил тут всё Владимир князь:
«Ай уж ты гой еси, Игнатий сын Данилович!
А как кто будет у нас во Киеве да оборанивать?
А как пройдет тут про нас слава великая,
Что во Киеве богатыри состарились,
А состарились богатыри, преставились,
А да как постриглись они в ризы чёрныя,
А надели на себя скимы спасеныя,
Как к Антонию, Федосию в Пешшер-монастырь,
Как пройдет тут славушка по всей земли,
А по всей земли да по святой Руси,
Как во Киеве богатыри состарились, преставились,
А как тут взволнуется орда-Литва поганыя,
Как тут разо́рят наш Киев град,
А у нас некому во Киеве да оборанивать».
«Уж ты гой еси, Владимир князь да стольнокиевкий!
Как останется у меня да чадо милое,
А как тот же Михайлушко Игнатьевич.
Э как от роду ему двенадцать лет;
Он ведь может владать моим добрым конем;
А как латы мои ему не сходятся,
А как палицу мечет по понѐбесам,
А скоро подъезжать да на добром коне,
Во ту же во праву руку;
А как палица у мня только сорок пуд».
«Уж ты гой еси, Игнатий сын Данилович!
А не видал-то я твоего чада милого;
А приведи ты ко мне на почестен пир,
На почестен пир мне на посмотреньице;
Я не видал твоего чада милого,
Не слыхал, что есть у тя да чадо милое».
А как пошел Игнатий со честна пиру,
Как приходит к своему широку двору,
Как (в)стречает Михайлушко да середи двора,
А как бьет челом отцу да низко кланится.
«Ай уж ты гой еси, моё чадо милое,
А мило чадышко моё, любимое!
Ты поди-тко ко князю на посмотреньице да на почестен пир».

Одевается Михайлушко да снаряжается,
А как говорил-то ему родной батюшка:
«А как придёшь ко Владимиру да светлу светлицу,
Ай отпирай-кося ты двери на́-пяту,
А запирай-кося их всё накрепко,
Ай да ты крест-от клади да по-писаному,
А поклон-от веди да по-ученому;
Да уж ты кланяйся да на все стороны;
Ай как бей челом князю Владимиру
Да о ту же о рученьку о правую.
Сиди-тко на пиру, ешь, пей и кушай же».
Как пошел Михайлушко да на почестен пир.
Как заходит он да на широкий двор,
А с широка двора да на красно крыльцо,
А со красна крыльца в палату княженецкую;
Отпира(е)т он двери на́-пяту,
А запирает он ведь накрепко;
Как палата у князя потрясалася.
Да как крест кладёт да по-писаному,
Поклон-от ведет да по-ученому,
А как бьёт челом князю Владимиру:
«А да здраст(в)уй, Владимир князь да стольнокиевский!»
«Уж ты здраст(в)уй, ты Михайло сын Игнатьевич!»
Как садил-то Михайлушка в место отчевское;
А да наливали чару Михайлу зелена вина,
Да не малу, не велику – в полтора ведра.
Принимал-то Михайло единой рукой,
А выпивал-то Михайло чару единым духом,
На запивку, на закуску турий рог да мёду сладкого.
А как отошел у князя всё почестен пир.
Как немного тому времени прошло, миновалося,
Да как прошла тут славушка великая
Как по всей земли, по всей украины,
А да прошла слава в прокляту Литву поганую.
Подымается поганое Идо́лище
А на тот же на красен Киев град –
А запленить князя Владимира,
А как Божьи церкви под конюшни взять,
А святы-то монастыри на дым спустить,

А как князя Владимира в полон забрать.
Как тужил тут князь Владимир стольнокиевский.
А как у́чул-то тут Михайлушко Игнатьевич,
Да пошел-то он ко князю ко Владимиру.
Как приходит он ко князю ко Владимиру,
Еще бьёт челом, да низко кланится:
«Уж ты гой еси, князь Владимир стольнокиевский!
Как подходит под нас сила великая поганая.
А благослови-тко мне съездить во чисто поле
Да побить ту силушку великую».
Говорил Владимир князь Михайлушку:
«Уж ты гой еси, молодой, зобзун, попархивать1!»
А как тут Михайлушку да за беду да показалося,
Рассердилось, разгневалось ретиво́ сердце;
А да как пошел ведь ни с радости, ни веселится.
Отпирал он двери на́-пяту,
А как запирал он крепко-накрепко, -
Ободверенки да помитусились,
Из околенок слутки посыпались2.
И приходит он на свой широкий двор,
Как седлал, уздал он всё добра коня,
Как накладывал уздечу-то тесмяную,
А на спину настилал он ведь войлучек,
Как на войлучек накладывал седёлышко черкасское,
Да застёгивал двенадцать всё отужников3,
А застегивал-то он двенадцать пряжечек.
Как пряжечки те были золочёныя,
Как стегнышки были да всё булатныя,
А остужинки были шелковыя.
А это всё не ради красы, ради крепости:
Эй шелк подтянется, не сорвется,
А красное золото ведь не ржавеет,
А булат-от погнется, сам не сломится.
Как собрался Михайлушко, снарядился же,
Скоро легко скакал он на добра коня,
А как поехал по городу по Киеву,
А приворачива(е)т к Федосию в Пешшер-монастырь,
А к своему родну батюшку,
Да к тому же Игнатью всё Данилову. –

Да всё взять-то благословленьице да вековечное,
Э как на веки свои да нерушимое,
Э как съездить в чисто поле с татарами побиться.
А да как приехал тут Михайлушко ко келейке,
А как колотится он в окошечко да потихошеньку,
А да как ведь говорит ведь он да помалёшеньку.
Как услышит тут Игнатий сын Данилович
А как своего чада милого,
А да как выходит скоро на крылечико;
А как падал Михайлушко да во резвы ноги,
А просил-то его да благословленьица
А как ехать в чисто поле с татарами подратися.
Говорит тут Игнатий сын Данилович,
А даёт-то ему благословленьице на векú да нерушимое,
А даёт да сам ему наказыва(е)т:
«Уж ты гой еси, моё да чадо милое!
Ты приедешь к той силе неверныя,
Ты не езди в силушку в серединушку,
А ты бей силу ты ей всё ведь с краюшку,
Уж ты бей силу все меньши полки,
Ты не езди ты в больши полки:
Там накопаны подкопы широкия, глубокия,
Как наставлены там ведь копья вострыя;
Да ты хоть заедешь в больши полки
Да перекопы перескочишь же,
А да дай-ка ты добру коню вздохнуть;
А перескочит перекопу во второй раз,
А тут подкопы-то широкия, глубокия,
Упадет ведь тут добрый конь,
Он заколится на тех копьях на вострых же».
Как скочил он ведь во перво́й након,
Перескочил он подкопу широкую;
А скакал-то его добрый конь да во второй након,
Эй перескочил он втору-то по́дкопеть широкую, глубокую,
А как заговорил-то ему добрый конь:
«Уж ты дай мне-ка, Михайлушко, добру коню вздохнуть».
Как стегал коня да по крутым бёдрам,
Как скочил его конь да во третий након,
Не мог-то его добрый конь перескочить же,

Падал на те же на копьица на вострыя,
Закололся его добрый конь да Воронеюшко;
Да как падал Михайлушко да со добра коня.
Наскакали тут погановя татаровя,
Да вопутали во путани шелковыя,
Повели его к поганому Идолищу.
Говорил ему поганое Идолище:
«Уж ты гой еси, молодой да добрый молодец!
А поди ко мне служить да верой-правдою,
А верой-правдою да не изменою».
«Уж ты гой еси, поганое Идолище!
Не хочу у тебя служить ни верою, ни правдою.
Как бы я был всё на воле же,
Послужила бы у мня тебе да сабля острая».
Говорит тут поганое Идолище:
«Уж вы палачи мои немилосливы!
О(т)секите-ка Михайлу, добру молодцу, да буйну голову».
Разъярилось у Михайла да ретиво сердце.
Как махал-то своими руками-то белыми,
Разорвал-то на себе все путины шелковыя,
А да ско́чил он на резвы ноги,
Да (с)хватил-то свою саблю вострую,
Отсек тут поганому Идолищу да буйну голову.
А как начал Михайлушко по силушке похаживать,
Вострой сабелькой своей помахивать;
Как перёд махнёт, падёт их ведь улицей,
Назад-то отмахнет, то дела(е)т переулками.
Эй как бился-дрался с (н)ими шестеры ровно суточки.
Как прибил-то всех татар да до единого.
Устали у Михайла руки белыя,
А не носят его больше ноги резвыя;
Повалился тут же в трупля-то поганыя.
А спал он немножко, немало – шестеры-то суточки.
Хватился его родной батюшко
Как тот же Игнатий сын Данилович:
«А должно быть, нету живого чада милого,
А убили тут погановя татаровя.
Кабы знал я всё это, ведал тут,
Не спустил бы ехать чада да во чисто поле,

А да съездил я, подрался бы с погаными татарами».
Как выходит Игнатий на чисто поле,
А ко тем же туловям поганыя.
А идёт-то он ужасается,
А как горькими слезами убивается.
Высоко-то мечет туловья да по поднѐбесам.
Как от сна Михайлушко да пробужается,
С того же устаточку великого да просыпается,
А да (в)стаёт-то скоро на резвы ноги,
Как смотрит-глядит по силушке великия:
Как увидел-то, ходит старичище да в платье чёрныя.
Он пошел-то к своему родну батюшку:
«А прости-ка меня, батюшко, да во первой вины!
А как не послушал твоего наказаньица,
Уходил-то твоего коня Воронеюшка».
Прощал-то отец в таковой вины:
«Ты не делай впредь да таково дело.
А как где же возьмешь ты теперича добра коня?
А да ты поди-тко теперь да на Е(в)фрат-реку:
Ей там есть один коничек невелик собой,
А хоть маленькой Голубанушко, удаленькой».
А как брал-то он свою узду тесмяную,
А да брал-то он с собой седёлышко черкасское,
А пошел-то Михайло на Е(в)фрат-реку,
А увидел тут дорожечку широкую;
Становился он всё под сырой дуб.
А как по утру было по раннему,
Как бежит-то впереди добрый конь Голубанушко.
А выскакивал Михайлушко из-под сыра дуба,
А как испугался его добрый конь,
Ей как падал на колени на сыру землю;
Захватил Михайлушко за гриву лошадиную;
А правой рукой держит добра коня,
А левой рукой накладыва(е)т уздечу всё тесмяную.
Оседлал-то, обуздал добра коня,
Как скакал скоро, легко на добра коня,
А как горы, долы он да промеж ног берёт,
Как скочет да с горы нá гору,
Он поехал ко городу ко Киеву.

Как приехал Михайло ко своему широку двору.

Записана Б. А. Богословским в с. Нижней Зимней Золотице от Г. Л. Крюкова. Та же былина в неполном виде напечатана в «Беломорских былинах», № 76.

1 Т. е., «ты молод, птенец, чтобы летать».
2 Стойки скривились, из рам слюда посыпалась.
3 Вместо «отужинок»: отужина – подпруга.